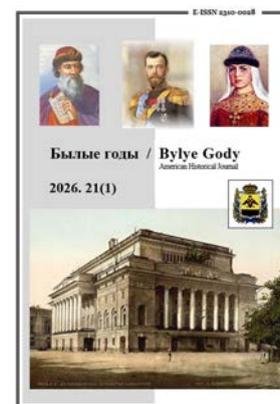

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 203-213
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.203

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Resettlement of Highlanders to the Russian-Controlled Territories of the Kuban and Black Sea Regions in 1830–1860 through the Prism of Imperial Integration Policy

Evgenii A. Avdeev ^{a, *}, Sergej M. Vorobev ^a, Tatiana V. Marchenko ^a

^a North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article examines the imperial policy of managing the Adyghe people resettlement to Russian-controlled territories in the Kuban and Black Sea regions in 1830–1860. With the reference to a range of archival materials it analyzes the key exogenous factors driving the desire of representatives of several noble families and dependent populations to come under Russian protection. Growing social polarization, wealth inequality in mountain communities, and intensifying contradictions between the nobility and the common people contributed to the resettlement. Among the endogenous factors, the political decision of the Russian administration to ensure the loyalty of the mountain nobility stands out. Specific management practices of the Caucasian administration aimed at providing assistance, support, and security during the resettlement of mountain families to Russian-controlled territories are analyzed. The administration compensated noble mountaineers seeking protection for the costs of resettlement, reimbursed the value of property abandoned in their former places of residence, and ensured the preservation of their former high status and a number of noble privileges. Recruiting members of noble families for military service was seen as a guarantee of their loyalty. The Russian military administration also offered ordinary settlers the opportunity to serve in irregular units. The highlanders who had accepted Russian citizenship and later shifted to the side of their hostile compatriots, and the provision of assistance to them during raids, facilitated their resettlement within Russia, primarily to the lands of the Great Don Host. The settlers were provided with land and financial assistance for establishing farms. Imperial integration policy was flexible and somewhat tolerant of the peculiarities of the highland mentality, traditions, and religion. The resettlements were not large-scale due to the highlanders' attachment to their native land, significant anti-Russian sentiment, and religious differences.

Keywords: Caucasus, Russian Empire, highlanders, Adyghe, Caucasian War, imperial integration policy, military service, settlers, noble families, fugitives.

1. Введение

Переселение горцев на подконтрольные России территории Причерноморья и Прикубанья и принятие ими российского подданства в 1830–1860-х гг. становятся предметом имперской политики в регионе. Основной задачей стало обеспечение добровольного перехода как горской знати, так и рядовых общинников на подконтрольные российской администрации территории, защита и поддержание их существования на новом месте. Кавказская война стала одним из факторов таких переселений, горцы искали защиты и лучшей жизни на новом месте, спасались от мести, некоторые из них не теряли связи со своими немирными соплеменниками и впоследствии возвращались обратно. Перемещения горских семей на подконтрольные России территории, их проживание бок о бок с казаками и поселенцами, приводили к интенсификации культурного обмена и способствовали постепенной интеграции края. После подписания Адрианопольского мирного договора в 1829 г. между Российской и Османской империями левобережье Кубани и Причерноморье юридически

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

стали российскими территориями, что значительно облегчило переход адыгов с одного берега Кубани на другой, т.к. до этого между Россией и Турцией обязаны были выдавать друг другу «беглых». Несмотря на международное признание этих территорий российскими, установление в полной мере военного и государственного контроля над ними было сопряжено с большими трудностями, связанными с Кавказской войной и активным сопротивлением воинственных горцев.

Переселение знатных горских семейств было связано как с обострившимися социальными противоречиями в горских общинах, ставившими под вопрос устоявшиеся права и привилегии князей и дворян, так и с новыми карьерными возможностями, сопряженными с материальными преференциями, открывающимися на российской службе. Переход горской знати в российское подданство, обеспечения их лояльности, стал одним из приоритетных направлений политики Российской империи на Кавказе. Им гарантировались защита, уважение к их происхождению, традициям и культуре, особые условия службы, инкорпорация в офицерский корпус. Понимая их значимость в деле замирения и интеграции Кавказа им прощались многие проступки и даже переход на сторону противника в случае раскаяния и возвращения обратно. Сыновья знатных фамилий, служивших России, отправлялись в кадетские корпуса или другие учебные заведения, где им также присваивался особый статус, связанный с культурно-языковыми особенностями и менталитетом. Переселения простых горцев на подконтрольные военной администрации территории стало следствием стремления местной знати, а также разбогатевших тфокотлей подчинить себе свободных общинников или продать их в рабство. Это вынуждало некоторых горцев, особенно младших членов семей или сирот, стремиться под покровительство российских властей и переселяться. Переселялись также мирные горцы, уведенные в плен в результате набегов своих немирных соплеменников, объединявшихся в крупные конные отряды, грабившие как мирные аулы, так и русские и казачьи поселения. Бежали также те, кто сотрудничал с имперской администрацией, а также те, кто подвергался преследованию со стороны соплеменников за проступки и преступления, чтобы избежать наказания, либо кровной мести. Местные российские чиновники поддерживали переселенцев, обеспечивая им возможность безопасного перехода и проживания под защитой военных гарнизонов, а также предоставляли средства для первичного обустройства хозяйством. При этом их свобода передвижения жестко ограничивалась, им предписывалось селиться только в определенных станицах.

Переход на сторону России знатных горцев и принятие ими присяги, а также дальнейшая их военная служба стали основными этапами их интеграции в состав Российской империи. В целом переселения горцев на подконтрольные российские территории в 1830-х – 1860-х гг. хотя и не стали массовым явлением, однако имело большое значение для постепенной интеграции Северо-Западного Кавказа в Российскую империю, способствовали интенсификации торгово-экономических и социокультурных связей, формировали локальные общности, состоящие из представителей разных народов.

2. Материалы и методы

Комплексный подход к изучению переселений горцев на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860-х гг. и принимаемые имперской администрацией меры по управлению этими процессами и организации быта переселенцев предполагает опору на широкий круг историографических источников. В дореволюционной историографии отдельные аспекты горских переселений и действия военной администрации были описаны в трудах В.А. Потто, А.П. Берже, Н.Ф. Дубровина и Ф.А. Щербина (Потто, 1887–1891; Берже, 2011; Дубровин, 1871–1888; Щербина, 1913). Сборник сведений о кавказских горцах содержит значительный объем этнографических данных, включая сведения о переселениях с гор на равнину (Сборник сведений..., 1868–1870). В качестве документальных источников авторами применялись материалы ряда архивных фондов: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), Государственный Архив Краснодарского Края (ГАКК, Краснодар, Российская Федерация), Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, Москва, Российская Федерация).

Исследование переселений горцев на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860 гг. проводилось с опорой на принципы системности и историзма, что позволило: во-первых, раскрыть и кратко описать отдельные меры и государственные решения российской администрации по реализации имперской политики по интеграции горцев, носящей, несмотря на некоторую противоречивость, последовательный характер; во-вторых, рассматривать процессы перехода горцев на контролируемые Россией территории без отрыва от существовавших в 1830–1860-х гг. социально-исторических условий и характера боевых действий в ходе Кавказской войны. Плодотворной для анализа является концепция северокавказского фронта Т.М. Баррета – особой пограничной зоны, характеризующуюся сложным взаимодействием местного горского населения, русских поселенцев и имперских властей, миграциями и переселениями, сопровождавшимися как конфликтностью, так и широким социокультурным взаимодействием (Барретт, 2000: 163-195).

Применение фронтирного подхода позволило не только раскрыть сложный и многоаспектный характер взаимодействия российского государства и горцев, выходящий далеко за рамки военной

экспансии, но и обратить внимание на такие его аспекты как диалог, взаимовыгодные для каждой стороны сотрудничество и социокультурные коммуникации, проводниками которых выступали прежде всего переселенцы и перебежчики. Отдельные истории переселений и последующей судьбы переселенцев рассматривались с опорой на нарративный и биографический методы.

3. Обсуждение

Переселение горцев на подконтрольные России территории Северо-Западного Кавказа в период 1830–1860 гг. стало предметом рассмотрения ряда российских историков и публицистов и нашло свое отражение в мемуарах участников Кавказской войны. В историографии Российской империи следует выделить историю Кубанского казачьего войска Ф.А. Щербина, описавшего различные аспекты взаимодействия между военной администрацией, казацкими и горцами становление торговых и культурных связей с мирными горцами (Щербина, 1913). Военный историк и этнограф Д.А. Ракович касается темы перехода горцев на подконтрольные России территории Прикубанья в результате внутренних конфликтов в адыгских общинах (Ракович, 1900). Всестороннее описание характера и условий службы знатных горских юношей в составе Собственного Его Императорского Величества Конвоя было выполнено С.И. Петиним (Петин, 1899).

Историки советского периода в своих исследованиях рассматривали в качестве причин переселения на подконтрольные российские территории недовольство простых горцев притеснением со стороны знатных семей, ростом социального неравенства и эксплуатации (Покровский, 1989; Керашев, 1991). Современная отечественная историография во многом преодолела узость советского классового подхода и отличается широкой палитрой подходов и трактовок причин рассматриваемых событий. Приграничные территории рассматриваются не только как территория войны, но как «контактно-цивилизационная зона», характеризующаяся интенсивным развитием социокультурных связей (Журтова, 2016: 521-522).

Некоторые региональные историки, описывая переход знатных горцев на подконтрольные России территории и поступление на военную службу в русскую армию, характеризовали его как предательство по отношению к своему народу (Шеуджен и др., 2014: 154). Другие отмечали, что не все адыги относились враждебно к России. А.Т. Урушадзе отмечал, что в качестве одной из причин переселения было желание поступить на военную службу для улучшения своего материального положения и общественного статуса, повышения своего престижа среди соотечественников. Продвижение по ступеням военной карьеры, получение чинов и наград было не столь значимым. Если служба в русской армии не повышала значимость, а подрывала репутацию горца, то он мог вернуться обратно. Это было одной из причин частых «измен» и переходов горцев на противоположную сторону в ходе Кавказской войны (Урушадзе, 2020). А.В. Казаков детально проследил историю перехода горцев под российское подданство и их службы в рядах русской армии в офицерских чинах на основе изучения личных биографий, наград и военных достижений (Казаков, 2006). Существует ряд исследований жизни и деятельности отдельных представителей знатных адыгских родов. Например, А.Д. Вершигора на основе введения в научный оборот и анализа большого числа архивных материалов, детально описал жизнь и военную службу выдающегося адыгского просветителя, историка этнографа и публициста князя Султана Хан-Гирея (Вершигора, 2003). Колесникова М.Е. и Кузьминов П.А. анализируют ряд успешных интеграционных имперских управленческих практик периода наместничества на Кавказе М.С. Воронцова (Колесникова, Кузьминов, 2023).

Таким образом, в отечественной историографии переселения горцев на подконтрольные России территории их служба в российской армии получила достаточно широкое освещение. Анализировались многоаспектность и многофакторность этих процессов, обусловленных как внутренней динамикой горских сообществ, так сложным и противоречивым фронтальным взаимодействием горцев, казаков, русских поселенцев и имперских властей, большое внимание было уделено рассмотрению личных и семейных горских историй.

4. Результаты

Переселение горцев на подконтрольные России земли Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860 гг. носило как стихийный, так и контролируемый характер, меры по обеспечению переселения возлагались на военную администрацию. К началу 1830-х гг. на территориях Северо-Западного Кавказа (Прикубанье, Причерноморье и кавказское предгорье) проживали в основном адыгские этнотерриториальные общности. Одни из них находились под управлением черкесских князей, в других преобладали элементы выборно-народного управления. Адыгские общности проходили этап постепенного разрушения родоплеменных отношений, характеризующихся приоритетом общности и значительным социальным и имущественным равенством. К началу XIX в. усиливается социальное и имущественное расслоение, растет влияние богатых и знатных семейств, находившихся под влиянием как России, так и Турции. Турецкие эмиссары и посланники Шамиля проповедовали мюридизм и призывали население к священной войне против неверных – газавату, к которым причисляли русских военных, переселенцев и казаков. После подписания Россией и

Турцией в 1829 г. адрианопольского мирного договора произошло официальное признание российскими территорий Северо-Западного Кавказа ([Кавказский вектор...](#), 2014: 70).

С этого времени установление контроля и управления этими территориями перестает быть внешнеполитическим направлением и становится задачей внутренней политики. Несмотря на то, что Турция, согласно договору, уступила эти территории, она продолжала поддерживать антироссийские настроения среди адыгов, подпитывать их стремление к сопротивлению деньгами и оружием. Российской военной администрации на Кавказе также вменялось обеспечивать меры по защите от нападений немирных адыгских конных отрядов на русские поселения и казачьи станицы с целью их грабежа, угона скота и похищения людей для продажи в рабство или получения выкупа. Важной мерой, способствующей утверждению российской власти на этих территориях, стала государственная политика по переселению на равнинные земли крестьян из внутренних губерний России и казаков для возведения кордонных укреплений, создания новых станиц, обеспечивающих военную безопасность и хозяйственное освоение края ([Erokhin et al., 2020](#); [Avdeev et al., 2025](#)). Переход этих территорий под российский контроль и их военная и гражданская колонизация были приняты адыгскими общностями неоднозначно. Часть горцев, в том числе и знати, искала сотрудничество с Россией, видя для себя новые социальные, имущественные и карьерные перспективы. Другие же как скрытно саботировали, так и открыто сопротивлялись решениям имперской администрации, включая и вооруженное противостояние.

Стремлению ряда знатных фамилий к переходу под российское покровительство мешало возможная потеря имущества, т.к. соплеменники часто воспринимали это как предательство и грозили этим семьям разорением и уничтожением. Например, Абат Бесленей, происходивший из шапсугских старшин, получивший чин прапорщика, в 1832 г. просил содействия переселению его семейства вместе с зависимыми людьми (всего 126 человек) из Суджукской бухты на подконтрольную России территорию Прикубанья и предоставления ему пособия в связи с утратой имущества, бывшего у семейства на прежнем месте ([АКАК, 1881: 733](#)). Его прошение было поддержано на высоком уровне. Так, командующий войсками Кавказской линии и Черномории А.А. Вельяминов подчеркивал, что его верная служба обязывает предоставить его семье средства для переселения и обзаведения хозяйства. В конечном итоге для обеспечения переселения семьи российскими военными властями была организована небольшая десантная операция, которая завершилась успехом, семье и их людям, переселившимся с побережья во внутренние земли Прикубанья было выдано натуральное вспоможение для первоначального обзаведения хозяйством на новом месте ([АКАК, 1881: 734](#)).

Начиная с середины 1840-х гг. постоянное военное присутствие, укрепление военных администраций способствовало увеличению числа переходов знатных адыгов на сторону российской власти, сопровождавшихся переселением их на освоенные Россией территории Прикубанья и Причерноморья. Этому способствовало также и усиление позиций в адыгских обществах крестьян-земледельцев (тфокотли), которые стали насильственно избавляться от военно-феодальной зависимости и выходить из подчинения знати. Эти процессы были особенно актуальны среди шапсугов и натухайцев ([Покровский, 1989: 161](#)). Представители адыгской знати были вынуждены обратиться за поддержкой и обеспечением их прав и полномочий к российским властям. Так в прошении, поданном ими главнокомандующему Кавказским корпусом М.С. Воронцову в 1846 г. отмечалось, что «ныне же народ вышел из повинности и во всём сравнился с нами, все простые люди самоуправствуют и производят беспорядки», присвоив себе права, принадлежащие с «древнейших времен» нашим предкам ([Материалы по истории...](#), 2012: 23). Стремление ряда адыгских дворянских родов под российское подданство вызвало недовольство и сопротивление тфокотлей ([Покровский, 1989: 162](#)). Так в 1847 г. Псебеское народное собрание установило большие штрафы для тех знатных семей, которые хотели переселиться. В этом же году на Шебшском собрании принимается решение сформировать народное ополчение, которое бы силой не позволило знати вопреки воле общинников переходить на российскую сторону ([Чирг, 2002: 110-111](#)). Адыги, активно сопротивляющиеся упрочению власти и влияния России в регионе, формировали вооруженные отряды и совершали разорительные набеги, сопровождавшиеся насилием и грабежом, на поселения своих соплеменников, перешедших на российскую сторону, а также на казачьи станицы и русские селения. Так полковник Пшекуй Могуков докладывал вышестоящему начальству, что горцы, переселившиеся на земли, прилегавшие к Черноморской кордонной линии, лояльные и преданные России, сотрудничающие с военной администрацией, либо поступившие на службу, страдают от разорительных набегов со стороны своих немирных соплеменников ([ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 572. Л. 22](#)). Мирные же адыги старались сохранять взаимосвязи с многочисленными родственниками, кунаками и атальками, не подчинявшимися российской власти. Продолжались торговля и социальное взаимодействие с ними.

Принимаемые адыгскими обществами решения и действия не смогли остановить процессы перехода многих знатных семей под российское подданство и на российские территории. Так в начале 1847 г. представители ряда знатных шапсугских и натухайских семей вручили наказному атаману Черноморского казачьего войска Г.А. Рашило прошение, где наряду с желанием перейти под российское подданство, просили расселить их на желаемые территории, сохранить им прежние сословные права, в том числе право владения зависимыми крестьянами и рабами. Также они просили

компенсировать расходы на переселение и поддержку со стороны российских войск для обеспечения безопасности. Кавказский наместник М.С. Воронцов в письменном ответе на прошение обещал покровительство со стороны России при переселении на желаемые ими земли, а также компенсацию понесенных убытков и сохранение их прав и привилегий, вооруженную поддержку в процессе переселения ([Материалы по истории..., 2012: 28-29](#)).

Активная, как военная, так и материальная поддержка со стороны российской администрации, понимавшей значения лояльности и преданности адыгской знати, увеличила число знатных семей, переходивших, в том числе и скрытно, на подконтрольные России территории и под защиту военных гарнизонов. Например, в докладе начальника Ольгинского Мостового укрепления от 19 ноября 1848 г. отмечалось, что к ним перебежал Пшекуй Немиров, долго ждавший этой возможности, и выразил желание переправить его в аул прапорщика Кончукова (также ранее перешедшего под российское подданство), где он хотел проживать вместе с братом, годом ранее перешедшим под российское подданство и получившим младший офицерский чин ([ГАКК Ф. 261. Оп. I. Д. 955. Л. 109](#)). Переходившие на сторону России представители горской знати стремились переселиться в поселения, где уже проживали их знатные соплеменники, ранее перешедшие под российское подданство. Присягнувшим на верность России и поступившим на военную службу знатым адыгам присваивались офицерские чины и выплачивалось жалование. За отличие в службе, храбрость и героизм на поле боя их награждали орденами ([Казаков, 2006: 102](#)).

Российские власти активно способствовали желанию горской знати, перешедшей в российское подданство, поступить на военную службу. Для них это становилось возможностью вступить в привилегированное российское дворянское сословие, существенно улучшить свое материальное положение, продвигаться по служебной лестнице, получая чины и награды. Также начиная с 1830-х гг. начался прием детей знатных горцев в петербургский, а позже и московский кадетские корпуса, где с малых лет им прививали основы российской дворянской культуры, образа жизни, присущего офицерам, верность присяге и доблестное служение России и государю. Учеба горских детей сопровождалась трудностями, связанными с чуждым образом жизни, непривычными северными природно-климатическими условиями, языковыми и религиозными барьерами. При этом принимались значительные усилия, направленные на облегчение юношам обучения и проживания в имперской столице. Военная администрация получала влиятельную и пророссийски ориентированную силу, становившуюся одной из основ утверждения российской власти в регионе.

Переход на сторону России и переселение на подконтрольные ей территории, в основном располагавшиеся на равнине и близко к военным укреплениям, довольно часто диктовалось прагматическими и корыстными соображениями. Принятие российского подданства адыгами зачастую носило формальный характер. Горцы не считали себя связанными на век узами верности и обязательствами верного служения. В связи с этим существовала практика нарушения присяги и обязанностей по службе. Отсутствовало понимание, что статус подданного Российской империи дает не только права, но и обязанности. Верность принимаемой присяге не имела большого символического значения даже для адыгов, получивших офицерские чины, были случаи предательства и перехода на противоположную сторону. Так полковник Пшекуй Могуков докладывал, считавшийся одним из наиболее верных России подпоручик Кончуков присягнул на верность появившемуся в его ауле с вооруженным отрядом наibu Шамиля. В связи с этим полковник не мог поручиться за верность остальных ранее лояльных знатных адыгов. В 1854 г. сторону противника принимает уже порядка пятидесяти до этого мирных адыгских аулов, только небольшая часть верных адыгских семей бежала на правый берег Кубани ([ГАКК. Ф. 254. Оп. 1. Д. 887. Л. 6, 15, 24](#)). Среди причин перехода знатных адыгов, присягнувших России, на сторону противника, служивший в тот период на Кавказе Г.И. Филипсон выделял особенности горского менталитета. Разбой, считавшийся среди горцев предприимчивостью и удалством, пресекался российскими военными властями. Таким образом, к немирным бежали либо уличенные в нем горцы, чтобы избежать наказания, либо те, кто только собирался «усовершенствоваться в разбойничьей войне» ([Филипсон, 2000: 79](#)). Другой причиной было различное понимание характера принятия присяги знатыми горцами и российскими властями. Первые рассматривали ее скорее, как переход под защиту сильного покровителя, тогда как вторые рассматривали присягнувших на верность как новых подданных, получивших не только права и привилегии, но и обязанности. При этом отношение к горцам, вновь желавшим вернуться на российскую службу, было, как правило, лояльным.

В целом в 1830–1840 гг. на подконтрольные России территории Прикубанья переселяется значительное количество знатных адыгских семейств вместе с зависимыми людьми. Переселенцы находили поддержку и помощь со стороны российской военной администрации. Так присягнувшие на верность России горцы получают офицерские звания, перед ними открываются достаточно широкие карьерные перспективы, а вплоть до завершения Кавказской войны они получают двойное жалование. Дети знатных горцев принимаются в столичные кадетские корпуса и другие учебные заведения. Эти политические решения не только позволили постепенно сформировать среди горской знати значительную прослойку лиц лояльных, а зачастую и искренне преданных Российской империи, а также хорошо знавших русскую культуру, обычаи и характер военной службы.

Наряду с переселением семейств адыгской знати, приводящих с собой многочисленных слуг и домочадцев, в рассматриваемый исторический период формируется и другая тенденция. На подконтрольные России территории переходили и незнатные, либо зависимые горцы: те, кто опасались мести со стороны соплеменников за сотрудничество с российскими властями, либо совершившие в своих селениях те или иные преступления и скрывавшиеся от наказания, либо боявшиеся быть проданными в рабство и искавшие защиты от усиливавшегося закрепощения, социального расслоения и эксплуатации. На последнее обстоятельство указывает в частности М.В. Покровский, проанализировавший более полутора тысяч случаев бегства пшителей (зависимых крестьян), спасавшихся вместе с семьями в российских укреплениях от продажи в рабство (Покровский, 1989: 183). Среди адыгов Северо-Западного Кавказа бытовала практика продажи в рабство женщин своих семейств (жен, дочерей и сестер). При этом подобные действия считались недостойными для знатных и богатых, но для бедных семей это был один из способов поправить свое бедственное положение. В случае крайней нищеты могли даже продать младших сыновей. В связи с этим некоторые младшие члены горских патриархальных семей, не желавшие себе подобной участи, боявшиеся быть проданными в Турцию, переходили на подконтрольную России территорию (Щербина, 1913: 734). Лишиться свободы можно было и попав в плен в результате нападения немирных горцев на мирные аулы. Так в 1834 г. был совершен набег на мирный абазинский аул возле станицы Баталпашинской. Было угнано порядка сорока его жителей и много скота. Посланному в погоню казачьему отряду удалось отбить только половину пленников, остальные были уведены и впоследствии распределены по немирным аулам (АКАК, 1881: 744-745). Горцы, тайно сотрудничавшие с военной администрацией и сообщавшие ей о передвижениях вооруженных отрядов и готовящихся набегах, так называемые «лазутчики», спасались в российских укреплениях опасаясь преследования и казни (Матвеев, 2015: 161).

Отмеченная выше тенденция к усилению социального расслоения, обнищанию и дальнейшему закрепощению зависимых сословий (пшитли и унауты) приводила к росту числа тех, кто искал защиты и покровительства российских властей. Бежавшие под российское покровительство горцы зачастую питали ненависть к своим бывшим хозяевам за нанесенные им обиды. Некоторые из них добровольно поступали на военную службу в казачьи части, чтобы отомстить. Российская военная администрация также проявляла заинтересованность в привлечении простых горцев к военной службе в составе иррегулярных, а впоследствии и регулярных частей. Если зависимые крестьяне видели возможность путем переселения на подконтрольные России территории возможность укрыться от своих господ, то знатные горцы, напротив, зачастую ходатайствовали перед военной администрацией о защите своих прав и возвращении им беглых. Прошения о выдаче внимательно рассматривались военной администрацией. Если коменданты российских укреплений не хотели портить отношения с верхушкой горских обществ или боялись усиления набегов, беглых выдавали. Коменданты крепостей могли и обменивать беглых горцев на дезертировавших солдат (Лапинский, 2021: 113). При этом не все просьбы о возвращении удовлетворялись. Вопросы возвращения беглых горцев их владельцам внимательно рассматривались властями, учитывались причины побега и сопутствующие обстоятельства. Например, в 1846 г. один из шапсугских старшин подавал на имя М.С. Воронцова прошение о возвращении ему бежавшего с семьей в Кабардинское укрепление крестьянина. После всестороннего рассмотрения этого вопроса начальником Черноморской береговой линии А.И. Будбергом было принято решение бежавшего крестьянина не выдавать (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 830. Л. 1). Часто решения о выдаче или невыдаче беглых принимались военными властями исходя из политической конъюнктуры. Прошения знатные горцев, имеющих репутацию лояльных и готовых идти на сотрудничество, удовлетворялись. Таким образом вопрос выдачи бежавших горцев становился еще одним инструментом имперской политики в регионе, фактором, способствующим установлению договорных и взаимовыгодных отношений между представителями горской знати и военной администрацией.

Начиная с 1830-х гг., оказание материальной помощи незнатым беглым горцам также становится одним из инструментов интеграционной политики. Так в 1834 г. командующим Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розеном было предложено выплачивать адыгам, бежавшим с левого берега Кубани на подконтрольную России территорию правобережья и Черномории, денежную компенсацию. Это предложение было одобрено императором и нашло отражение в официальном указе. Там же были установлены следующие нормы денежного довольствия из казны: 10 копеек в сутки на одного взрослого и 5 копеек на ребенка (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVI. № 7080). Горцы, проживавшие поблизости от Черноморской и Кавказской линий, также могли получать медицинскую помощь в российских военных госпиталях и лазаретах за казенный счет (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXXIII. № 33154). При этом отношение к горским переселенцам и перебежчикам было неоднозначным. Некоторые из них не только поддерживали родственные и дружеские отношения с оставшимися в немирных аулах соплеменниками, но и содействовали вооруженным отрядам в организации и проведении набегов с целью грабежей, угона скота и захвата пленников для последующей продажи. Наряду с прямым участием в набегах они также могли выступать проводниками вооруженных горских отрядов, либо передавать им сведения о состоянии укреплений

и перемещении военных гарнизонов. Имели место и факты открытого перехода на другую сторону. Подобные действия уменьшали доверие российской администрации к адыгским переселенцам и приводили к ужесточению контроля за ними.

В связи с этим в начале 1840-х гг. переселенцы на прикубанские земли начинают переправляться дальше от родных мест вглубь российских территорий, их сопровождали до Новочеркасска и далее расселяли на Дону в казачьи станицы. В этом же году были изданы составлены и ведены в действия соответствующие правила. Например, в 1847 г. под защиту Варениковского укрепления бежали два лазутчика-натухайца, сообщившие российским военным властям о готовящемся набеге. Они были переправлены вглубь российской территории и поселены в станице Цимлянкой (ГАКК Ф. 261. Оп. 1. Д. 898. Л. 68). Новым горским поселенцам полагалась выплата пособия на постройку дома и закупку зерна для посева, а также плуга и других сельскохозяйственных орудий, а также беспроцентная ссуда на четыре года для покупки скота и первоначальное обзаведение хозяйством (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XV. № 14053). Начиная с 1851 г., горцам, желавшим поселиться на землях Войска Донского, вместо беспроцентной ссуды выдавалось безвозмездное пособие (125 рублей ассигнациями или порядка 35 рублей серебром). Эти льготы объясняются малым числом переселенцев и некоторой заинтересованностью российских властей, желающих отселить их подальше от бывших соплеменников (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXVI. № 25238). При этом после переселения горцы должны были постоянно проживать в предписанных им станицах. Попытка возвращения на «родину», наравне с другими значительными проступками, разбиралась в военно-уголовном суде (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXI. № 20611).

Наряду с горцами, по разным причинам добровольно бежавшими на подконтрольную России территорию, ряды переселенцев пополнялись и за счет выселяемых или переселяемых властями пленных. Практика их выселения во внутренние губернии империи продолжалась вплоть до завершения Кавказской войны. При этом для их семейств также было предусмотрено некоторое вспомоществование и льготы. Горские семьи, в которых не имелось взрослых мужского пола, подлежащие по решению кавказской администрации к выселению, также расселялись не на Дону, а во внутренних российских губерниях (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XXV. № 24656). Малолетние дочери выселяемых горцев отправлялись в Московский воспитательный дом. Сопровождать их в пути должен был казачий урядник, при этом из казны на это отпускались специальные прогонные деньги (порядка 15 копеек серебром в сутки) (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XX. № 19022).

После завершения военных действий прекращается и практика переселения. Горцев, находящихся к этому времени в плену, предполагается не отправлять на территории, удаленные от их родины, расселять ближе к родным местам на равнинных землях Предкавказья. По распоряжению начальника военной администрации Кубанской области 80 плененных горцев были поселены в станице Лабинской. Начальник Лабинского округа должен был осуществлять надзор и обеспечить гужевой транспорт для перемещения их в станицу. Пленным полагались кормовые деньги (порядка 7 копеек на человека в сутки): вменялось обеспечивать заботу об их здоровье и в случае болезни направлять в ближайший госпиталь или лазарет за казенный счет. Предусматривалась и ответственность за ненадлежащее выполнение возложенных на местные власти обязанностей, связанных с содержанием пленных (РГВИА. Ф. 14254. Оп. 6. Д. 3. Л. 28). Подобные меры распространялись и на горцев, добровольно перешедших на сторону российской власти. В этом же году казачий унтер-офицер И. Лиовской доставил в станицу Лабинскую большую группу горцев, в состав которой вошли порядка 50 пленных и 114 лиц обоего пола добровольно пришедших на подконтрольные России территории. Их также обеспечивали подводами и кормовыми деньгами (РГВИА. Ф. 14254. Оп. 6. Д. 3. Л. 63). В 1866 г. российскими властями было разрешено высланным в отдаленные российские губернии горцам вернуться на родной Кавказ (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XLI. № 43680).

Таким образом переселение горцев на подконтрольные России территории в 1830–1860-х гг. в целом осуществлялось при поддержке российских властей в регионе, обеспечении переселяющимся условий для жизни и первичного обзаведения хозяйством. Знатным семьям компенсировались материальные издержки, связанные с переходом на российскую сторону, их представителей принимали на военную службу с присвоением младших офицерских званий.

5. Заключение

Переселение горцев на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в 1830–1860 гг. было обусловлено целым рядом социально-экономических и политических факторов. Адыгское общество переживало процессы социального расслоения, сопровождавшиеся увеличением имущественного неравенства, ростом бедности, усилением эксплуатации и различных форм зависимости большинства населения. Это усиливало пророссийские настроения как у ряда представителей знатных фамилий, искавших российского покровительства, так и некоторых представителей угнетенных слоев населения, бежавших от притеснений. Фактором, способствовавшим переселению как некоторых знатных семей, так и простых горцев, стала и имперская политика, направленная на умиротворение знати, компенсацию понесенных ей материальных потерь, а также на помощь простым горским семьям, искавшим покровительства и

защиты со стороны России. Российская администрация на Кавказе принимала меры для обеспечения помощи, поддержки и безопасности при переселении горских семей на подконтрольную ей территорию. Несмотря на принимаемые меры, многие горцы поддерживали связи с оставшимися соплеменниками, были случаи перехода их на противоположную сторону, помощи мирным горцам, совершающим набеги на мирные аулы, российские укрепления и казачьи станицы. В связи с этим принимается решение об их переселении во внутренние пределы России, особенно на земли Войска Донского, наделение их землей и денежным пособием для обзаведения хозяйством. Побег из казачьей станицы, определенной переселенцам для проживания, рассматривался властями как уголовное преступление, за которое их отправляли в арестантские роты или в Сибирь на каторгу. Судебное рассмотрение этих преступлений проводилось в соответствии с российским законодательством. Только после окончания Кавказской войны переселенцам во внутренние российские территории, как выбежавшим, так и плененным, разрешалось вернуться на Северный Кавказ. В целом отношение к переселенным горцам в данный период было таким же, как и к другим подданным Российской империи.

Для активизации переселения знатных горских семей российские власти, наряду с компенсациями их затрат на переселение и вымещения оставленного на старом месте проживания движимого и недвижимого имущества, гарантировали сохранение их прежнего высокого статуса и обеспечение дворянских привилегий. После принятия присяги на верность Российской империи им давали низшие офицерские чины. За отличия в службе и верность их награждали и повышали в чинах и званиях. Сыновьям служивших России горских офицеров предоставлялась возможность поступления в петербургский и московский кадетские корпуса, и гражданские учебные заведения. Ряд привилегий для горской знати, служившей России, и их детей сохранялся вплоть до завершения Кавказской войны. В дальнейшем они продолжали службу на общих основаниях. Не все знатные горцы, принявшие присягу на верность России, были ей верны, так как зачастую воспринимали ее только как признание их прав, без осознания налагаемых на себя обязательств. Были случаи перехода на другую сторону и возвращения обратно. Военные власти смотрели на подобные «метания» лояльно, зачастую создавали условия для возвращения обратно. Простым переселенцам российская военная администрация на Кавказе также давала возможность поступления на военную службу в иррегулярные части.

Таким образом, имперская интеграционная политика отличалась гибкостью, определенной терпимостью и уважением к правам и особенностям менталитета, традиций, культуре и религии, переходивших на подконтрольные российской администрации территории горцев. Прежде всего, военной администрацией на Кавказе создавались условия для переселения знатных родов по причине их влияния и авторитета в горских общинах. В целом подобные переселения не носили массовый характер в связи с привязанностью горцев родной земле, существенными антироссийскими настроениями и религиозными различиями.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01753, <https://rscf.ru/project/25-28-01753/>

The study was supported by grant No. 25-28-01753 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/25-28-01753/>

Литература

АКАК, 1881 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией.

Барретт, 2000 – *Барретт Т.М.* Линия неопределенности: северокавказский «фронт» России // *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Имперский период.* Самара, 2000. С. 163-195.

Берже, 2011 – *Берже А.П.* Кавказская старина. Исторические очерки, статьи и заметки. Пятигорск, 2011. 511 с.

Вершигора, 2003 – *Вершигора А.Д.* Хан-Гирей: новые документы и источники. Нальчик, 2003. 151 с.

ГАКК – Государственный Архив Краснодарского Края.

Дубровин, 1871–1888 – *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1-6. СПб., 1871–1888.

Журтова, 2016 – *Журтова А.А.* Основные подходы к изучению Кавказской войны в современной отечественной историографии // *Юг России и сопредельные страны в войнах и вооруженных конфликтах.* Ростов н/Д, 2016. С. 519-525.

Кавказский вектор..., 2014 – Кавказский вектор российской политики. Сб. документов. Т. II. Кн. 2. 1796–1864 гг. / сост.: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2014. 696 с.

Казаков, 2006 – *Казаков А.В.* Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры (середина XVI – начало XX в.). Нальчик, 2006. 405 с.

- [Керашев, 1991](#) – Керашев А.Т. Беглые адыги в России в XVIII – начале 60-х годов XIX века // *Культура и быт адыгов (этнографические исследования)*. Майкоп, 1991. Вып. VIII. С. 227-244.
- [Колесникова, Кузьминов, 2023](#) – Колесникова М.Е., Кузьминов П.А. Интеграционные процессы на Кавказе в 1840-1850-х гг.: поиск российской администрацией альтернативных подходов к преобразованиям // *Новое прошлое*. 2023. № 1. С. 218-233.
- [Лапинский, 2021](#) – Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная война против русских. Нальчик, 2021. 346 с.
- [Матвеев, 2015](#) – Матвеев О.В. Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар, 2015. 164 с.
- [Материалы по истории..., 2012](#) – Материалы по истории западных черкесов (Архивные документы 1793–1914 гг.) / сост. А.В. Сивер. Нальчик, 2012. 158 с.
- [Петин, 1899](#) – Петин С.И. Собственный его императорского величества конвой. СПб., 1899. 485 с.
- [Покровский, 1989](#) – Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века: Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. 319 с.
- [Потто, 1887–1891](#) – Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2–5. СПб., 1887-1891.
- [ПСЗРИ](#) – Полное собрание законов Российской империи.
- [Ракович, 1900](#) – Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Тифлис, 1900. 396 с.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [Сборник сведений..., 1868–1870](#) – Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 1–4. Тифлис, 1868–1870.
- [Урушадзе, 2020](#) – Урушадзе А.Т. Горец на русской службе в годы Кавказской войны (1801–1864 гг.): посредник, маргинал, предатель // *Журнал фронтирных исследований*. 2020 Т. 5 № 4 (20). С. 127-151.
- [Филипсон, 2000](#) – Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837-1847 // *Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века*. СПб., 2000. С. 76-198.
- [Чирг, 2002](#) – Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002. 204 с.
- [Шеуджен и др., 2014](#) – Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. и др. Земля адыгов. Майкоп, 2004. 1004 с.
- [Щербина, 1913](#) – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 2: История войны казаков с закубанскими горами. Екатеринодар, 1913. 848 с.
- [Avdeev et al., 2025](#) – Avdeev E.A., Erokhin A.M., Vorobev S.M., Bredikhin S.N. The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century // *Bylye Gody*. 2022. 20(2). Pp. 710-720.
- [Erokhin et al., 2022](#) – Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M. Russians in the North Caucasus in the 19th century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes // *Bylye Gody*. 2022. 17(1). Pp. 412-421.

References

- [АКАК, 1881](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. [in Russian]
- [Avdeev et al., 2025](#) – Avdeev, E.A., Erokhin, A.M., Vorobev, S.M., Bredikhin, S.N. (2025). The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century. *Bylye Gody*. 20(2): 710-720.
- [Barrett, 2000](#) – Barrett, T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of uncertainty: the frontiers of the northern Caucasus]. *Amerikanskaia rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperskij period*. Samara. Pp. 163-193. [in Russian]
- [Berzhe, 2011](#) – Berzhe, A.P. (2011). Kavkazskaya starina. Istoricheskie ocherki, stat'i i zametki [Caucasian antiquity: historical essays, articles, and notes]. Pyatigorsk. 511 p. [in Russian]
- [Chirg, 2002](#) – Chirg, A.Yu. (2002). Razvitie obshchestvenno-politicheskogo stroya adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konec XVIII – 60-e gg. XIX v.) [Development of the socio-political system of the Adyghe people of the Northwest Caucasus (late 18th – 1860s)]. Maykop. 204 p. [in Russian]
- [Dubrovin, 1871–1888](#) – Dubrovin, N.F. (1871–1888). Istoriya vojny i vladychestva russkih na Kavkaze. T. 1-6. [The history of the war and Russian rule in the Caucasus. Vol. 1-6.]. SPb. [in Russian]
- [Erokhin et al., 2022](#) – Erokhin, A. M., Avdeev, E.A., Vorobev, S.M. (2022). Russians in the North Caucasus in the 19th Century: Colonization-Resettlement and Sociocultural Processes. *Bylye Gody*. 17(1): 412-421.
- [Filipson, 2000](#) – Filipson, G.I. (2000). Vospominaniya. 1837–1847 [Memories. 1837–1847]. Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoj vojny XIX veka. SPb. pp. 76-198 [in Russian]
- [ГАКК](#) – Gosudarstvennyj Arhiv Krasnodarskogo Kraja [State Archives of Krasnodar Krai].
- [Kavkazskii vektor..., 2014](#) – Kavkazskii vektor rossiiskoi politiki. Sb. dokumentov [The Caucasian vector of Russian policy. Collection of documents]. Т. II. Kn. 2. 1796–1864 gg. Sost.: M.A. Volkhonskii, V.M. Mukhanov. M., 2014. 696 p. [in Russian]

Kazakov, 2006 – Kazakov, A.V. (2006). Adygi (cherkesy) na rossijskoj voennoj sluzhbe. Voevody i oficery (seredina XVI – nachalo XX v.) [Adyghe (Circassians) in Russian Military Service. Voivodes and officers (mid-16th – early 20th centuries)]. Nalchik. 405 p. [in Russian]

Kerashev, 1991 – Kerashev, A.T. (1991). Beglye adygi v Rossii v XVIII – nachale 60-h godov XIX veka [Fugitive Adyghe people in Russia in the 18th – early 1860s]. *Kul'tura i byt adygov (etnograficheskie issledovaniya)*. Maykop. VIII: 227-244. [in Russian]

Kolesnikova, Kuzminov, 2023 – Kolesnikova, M.E., Kuzminov, P.A. (2023). Integracionnye processy na Kavkaze v 1840-1850-h gg.: poisk rossijskoj administraciej al'ternativnyh podhodov k preobrazovaniyam [Integration processes in the Caucasus in the 1840s–1850s: the Russian administration's search for alternative approaches to reform]. *Novoe proshloe*. 1: 218-233. [in Russian]

Lapinsky, 2021 – Lapinsky, T. (2021). Gorcy Kavkaza i ih osvoboditel'naya vojna protiv russkih [The highlanders of the Caucasus and their liberation war against the Russians]. Nalchik. 346 p. [in Russian]

Materialy po istorii..., 2012 – Materialy po istorii zapadnyh cherkesov (Arhivnye dokumenty 1793–1914 gg.) [Materials on the history of the Western Circassians (Archival documents 1793–1914)]. Sost. A.V. Siver. Nal'chik, 2012. 158 p. [in Russian]

Matveyev, 2015 – Matveyev, O.V. (2015). Kavkazskaya vojna: ot fronta k frontiru. Istoriko-antropologicheskie ocherki [The Caucasian War: from front to frontier. Historical and anthropological essays]. Krasnodar. 164 p. [in Russian]

Petin, 1899 – Petin, S.I. (1899). Sobstvennyj ego imperatorskogo velichestva konvoj [His imperial majesty's own convoy]. SPb. 485 p. [in Russian]

Pokrovsky, 1989 – Pokrovsky, M.V. (1989). Iz istorii adygov v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka: Social'no-ekonomicheskie ocherki [From the history of the Adyghe people in the late 18th – first half of the 19th century: Social and economic essays]. Krasnodar. 319 p. [in Russian]

Potto, 1887–1891 – Potto, V.A. (1887–1891). Kavkazskaya vojna v otdelnyh ocherkah, epizodah, legendah i biografijah. T. 2-5 [The Caucasian War in individual essays, episodes, legends and biographies. Vol. 2-5.]. SPb. [in Russian]

PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire].

Rakovich, 1900 – Rakovich, D.V. (1900). Tenginskij polk na Kavkaze. 1819-1846. Pravyj flang. Persiya. Chernomorskaya beregovaya liniya [Tenginsky Regiment in the Caucasus. 1819-1846. Right Flank. Persia. Black Sea Coastline]. Tiflis. 396 p. [in Russian]

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

Sbornik svedenij..., 1868–1870 – Sbornik svedenij o kavkazskih gorcah. Vyp. 1–4 [Collection of information about the Caucasian highlanders. Issues 1–4.]. Tiflis. 1868–1870. [in Russian]

Shcherbina, 1913 – Shcherbina, F.A. (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska. T. 2: Istoriya vojny kazakov s zakubanskimi gorcami [History of the Kuban Cossack Host. Vol. 2: History of the Cossack War with the Trans-Kuban Highlanders]. Ekaterinodar. 848 p. [in Russian]

Shcherbina, 1913 – Shcherbina, F.A. (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska. Vol. 2: Istoriya vojny kazakov s zakubanskimi gorcami [History of the Kuban Cossack host. Vol. 2: History of the Cossack war with the Transkuban highlanders]. Ekaterinodar. 848 p. [in Russian]

Sheudzhen i dr., 2014 – Sheudzhen, A.Kh., Galkin, G.A., Tkhakushinov, A.K. et al. (2004). Zemlya adygov [Land of the Adyghe]. Maykop. 1004 p. [in Russian]

Urushadze, 2020 – Urushadze, A.T. (2020). Gorec na russkoj sluzhbe v gody Kavkazskoj vojny (1801–1864 gg.): posrednik, marginal, predatel' [Highlander in Russian Service during the Caucasian War (1801–1864): Mediator, Marginal, Traitor]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij*. 4(20): 127-151. [in Russian]

Vershigora, 2003 – Vershigora, A.D. (2003). Han-Girej: novye dokumenty i istochniki [Khan-Girey: new documents and sources]. Nalchik. 151 p. [in Russian]

Zhurtova, 2016 – Zhurtova, A.A. (2016). Osnovnye podhody k izucheniyu Kavkazskoj vojny v sovremennoj otechestvennoj istoriografii [Main approaches to the study of the Caucasian War in modern Russian historiography]. *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynah i vooruzhennyh konfliktah*. Rostov-na-Donu. Pp. 519-525. [in Russian]

Переселение горцев на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860-х гг. через призму имперской интеграционной политики

Евгений Александрович Авдеев^{a, *}, Сергей Михайлович Воробьев^a,
Татьяна Владимировна Марченко^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Аннотация. В статье рассматривается имперская политика управления переселениями адыгов на подконтрольные России территории Прикубанья и Причерноморья в период 1830–1860-х гг. На базе ряда архивных материалов анализируются основные экзогенные факторы стремления представителей ряда знатных фамилий и зависимого населения перейти под российское покровительство. Рост социальной поляризации, имущественного неравенства в горских обществах, усилившиеся противоречия между знатью и народом способствовали переселениям. Среди эндогенных факторов выделяется политическое решение российской администрации обеспечить лояльность горской знати. Анализируются конкретные управленческие практики кавказской администрации, направленные на оказание помощи и поддержки, обеспечение безопасности в ходе переселений горских семей на подконтрольные России территории. Знатным горцам, искавшим защиты, администрация компенсировала затраты на переселения и возмещала стоимость оставленного на старом месте проживания имущества, обеспечивала сохранение их прежнего высокого статуса и ряд дворянских привилегий. Привлечения представителей знатных фамилий к военной службе виделось залогом их лояльности. Простым переселенцам российская военная администрация также давала возможность служить в иррегулярных частях. Имевшие место переходы горцев, принявших российское подданство, на сторону своих немирных соплеменников, оказание им помощи при набегах способствовали организации их переселений во внутренние пределы России, прежде всего на земли Войска Донского. Переселенцы наделялись землей и денежным пособием для обзаведения хозяйством. Имперская интеграционная политика отличалась гибкостью и определенной терпимостью к особенностям горского менталитета, традициям и религии. Переселения не носили массовый характер в связи с привязанностью горцев родной земле, существенными антироссийскими настроениями и религиозными различиями.

Ключевые слова: Кавказ, Российская империя, горцы, адыги, Кавказская война, имперская политика интеграции, военная служба, переселенцы, знатные фамилии, беглые.